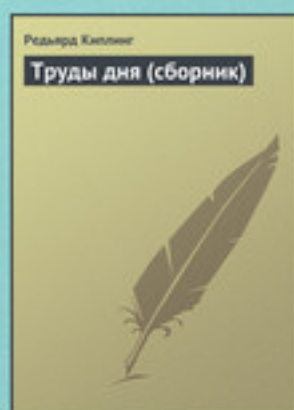

Редьярд Киплинг

Могила его предка

*Часть сборника
Труды дня (сборник)*

Редьярд Киплинг
Могила его предка

«Public Domain»

1897

Киплинг Р. Д.

Могила его предка / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1897

«Некоторые люди говорят, что если бы во всей Индии был только один кусок хлеба, он был бы разделен поровну между всеми Плоуденами, Треворами, Биддонами и Риветт-Карнавами. Иначе говоря, некоторые фамилии служат в Индии поколение за поколением, как дельфины плывут друг за другом в открытом море...»

© Киплинг Р. Д., 1897

© Public Domain, 1897

Редьярд Киплинг Могила его предка

* * *

Некоторые люди говорят, что если бы во всей Индии был только один кусок хлеба, он был бы разделен поровну между всеми Плууденами, Треворами, Биддонами и Риветт-Карнавами. Иначе говоря, некоторые фамилии служат в Индии поколение за поколением, как дельфины плывут друг за другом в открытом море.

К примеру, в Центральной Индии с того времени, как Гемфрей Чинн, лейтенант-фейерверкер Бомбейского европейского полка, участвовал в покорении Серингапатама в 1799 году, на службе всегда бывал, по крайней мере, хотя бы один представитель девонширских Чиннов. Альфред Эллис Чинн, младший брат Гемфрея, командовал Бомбейским гренадерским полком с 1804 по 1813 год, а в 1834 году Джон Чинн из той же семьи – мы будем называть его Джон Чинн Первый – проявил себя как выдающийся администратор во время волнений в местности, носящей название Мундесур. Он умер молодым, но оставил воспоминание о себе в новой стране, и достопочтенный совет достопочтенной Ост-Индской компании запечатлел его добродетели в величественной резолюции и поставил ему памятник в Сатпурских горах.

Ему наследовал его сын, Лайонель Чинн, который оставил свой домик в Девоншире как раз вовремя, чтобы получить серьезную рану во время усмирения мятежа. Он провел свою трудовую жизнь в ста пятидесяти милях от могилы Джона Чинна и командовал полком маленьких диких горцев, большинство которых знало его отца. Его сын Джон родился в маленьком военном поселении с соломенными крышами, глиняными стенами, даже в настоящее время находящемся на расстоянии восьмидесяти миль от ближайшей железной дороги, в центре дикой страны, где водятся тигры. Полковник Лайонель Чинн прослужил тридцать лет и вышел в отставку. В Канале его пароход встретился с военным судном, которое несло его сына на восток для исполнения семейных обязанностей.

Чинны счастливее многих людей, потому что знают точно, что им следует делать. Умный Чинн поступает чиновником в Бомбее, а затем отправляется в Центральную Индию, где все рады видеть его. Глупый Чинн поступает в департамент полиции или в лесной и раньше или позже также появляется в Центральной Индии. По этому поводу сложили даже пословицу: «Центральная Индия населена бхилиями, Мейрами и Чиннами, весьма похожими друг на друга. Эта порода худощава, потому что кости у ее представителей тонки, смугла, молчалива, и даже самые глупые из этих людей хорошие стрелки». Джон Чинн второй был человек среднего ума, но, как старший сын, он стал военным по традиции семьи Чиннов. Его долг состоял в том, чтобы оставаться в полку своего отца в течение всей своей жизни, хотя этот корпус был из тех, где служить было не особенно приятно, так что многие дорого дали бы, чтобы избавиться от службы в нем. Полк этот принадлежал к числу иррегулярных; люди маленького роста, смуглые носили мундиры карабинеров – зеленые, с черными кожаными выпушками; друзья называли их «вуддарсами», что означает люди низшей касты, которые выкапывают крыс и едят их. Но вуддарсы не сердились на это. Они были единственными в своем роде, и у них были свои причины для гордости.

Во-первых, английских офицеров у них было меньше, чем в каком-либо туземном полку. Во-вторых, на параде их субалтерны не ездили верхом, как это обычно бывает, а шли впереди своих людей. Человек, который может идти рядом с вуддарсами, когда они идут быстрым шагом, должен обладать хорошим дыханием и хорошо развитыми мускулами. В-третьих, они были лучшие «пукки», «шиккари» (охотники) во всей Индии. В-четвертых, они были вуд-

дарсы, и хотя официально считались состоящими в бхильских иррегулярных войсках – все же навеки оставались вуддарсами.

Ни один англичанин не входил в их столовую, за исключением тех, кого они любили или к которым привыкли. Офицеры разговаривали с солдатами на языке, который понимали человек двести белых во всей Индии; и солдаты были их детьми, набранными из бхилей, быть может, самой странной расы из всех многочисленных странных рас Индии. Это были – и, в сущности, остались до сих пор – дикари, скрытные, робкие, полные несказанных предрассудков. Расы, которые мы называем туземцами, застали бхилей уже владельцами земли, когда в первый раз появились в стране тысячи лет тому назад. В книгах они называются преариями, аборигенами и дравидами. Когда какой-нибудь раджпутанский вождь, барды которого могут воспевать его родословную за тысячу двести лет, восходит на престол, его инвеститура {Возведение в сан, должность. – Ред.} не закончена, пока на лбу его нет значка, сделанного кровью из жил кого-нибудь из бхилей. Раджпуты говорят, что эта церемония не имеет значения, но бхиль знает, что это последняя тень его старинных прав как давнишнего владельца страны.

Столетия угнетения и истребления сделали бхилиа жестоким, полубезумным вором и похитителем скота, и, когда пришли англичане, он казался настолько же способным к цивилизации, как тигр его джунглей. Но Джон Чинн Первый, отец Лайонеля, нашего Джона, пришел в страну бхилиа, жил с ним, научился его языку, стреляя оленей, которые похищали его скудную жатву, и приобрел его доверие, так что некоторые из бхилей научились пахать и сеять, а других сумели уговорить поступить на службу Компании, чтобы охранять ее от своих же друзей.

Когда бхили поняли, что стояние в строю не влечет за собой немедленной казни, то приняли солдатскую службу как затруднительный, но забавный вид спорта и старались держать своих диких собратьев под контролем, что было довольно-таки сложно.

Джон Чинн Первый дал им письменное обещание, что, если они станут с определенного момента вести себя хорошо, правительство не обратит внимания на их прежние прегрешения; а так как всем было известно, что Джон Чинн никогда не нарушает своего слова (однажды он обещал повесить одного из бхилей, считавшегося неуязвимым в данной местности, и повесил его на виду его племени за семь доказанных убийств), то бхили стали вести себя насколько могли степенно. Это была медленная, незаметная работа, какая происходит теперь по всей Индии; и хотя единственной наградой Джону Чинну, как я говорил, был памятник от правительства, маленький горный народ не забыл его.

Полковник Лайонель Чинн знал и также любил туземцев, и к концу его службы они были достаточно цивилизованы для бхилей. Многих из них едва можно было отличить от инду-сов-фермеров из низшей касты; но на юге, где был похоронен Джон Чинн Первый, наиболее дикие из бхилей еще селились около Сатурских хребтов, лелея мечту, что в один прекрасный день Джан Чинн, как они его называли, вернется к своим. А пока они подозрительно относились к белому человеку и его действиям. При малейшем возбуждении они бросались грабить что попало, а иногда и убивали; но если с ними обращались умело, они становились кроткими, как дети, и обещали никогда больше не делать этого.

Бхили – мундирные люди, – служившие в полку, были добродетельны во многих отношениях, но требовали умелого обращения. Они скучали и тосковали по родине, если их не брали на охоту на тигров, как загонщиков; их хладнокровная смелость – все вуддарсы сражаются с тиграми пешие: это отличительный признак их касты – вызывала удивление даже среди офицеров. Они шли за раненым тигром так спокойно, как будто это была ласточка со сломанным крылом; и это в стране, полной пещер, ущелий и пропастей, где один дикий зверь может держать в своей власти дюжину людей. Время от времени какого-нибудь человека приносили в казармы с раздробленной головой или сломанными ребрами, но это обстоятельство не учило осторожности его товарищей – они довольствовались тем, что приканчивали тигра.

Молодой Джон Чинн соскочил на ступени веранды уединенной столовой вуддарсов с заднего сиденья двухколесного кабриолета; при этом забренчали его ружья в чехлах. Тонкий, маленького роста горбоносый юноша с потеряннным видом, словно заблудившаяся коза, отряхивал белую пыль с колен; кабриолет, подскакивая на ходу, поехал обратно под палящими лучами солнца. Но в глубине души юноша был доволен. Во всяком случае, это было место его рождения и немного изменилось с тех пор, как мальчиком его отослали в Англию пятнадцать лет тому назад.

Построили несколько новых зданий, но воздух, запах и солнечный свет были те же, что и прежде, а маленькие зеленые люди, проходившие по плацу, имели очень знакомый вид. Три недели тому назад Джон Чинн сказал бы, что не помнит ни слова из бхильского языка, но у дверей столовой он заметил, что губы его движутся и произносят непонятные для него фразы – отрывки старинных детских песенок и приказаний, отдаваемых, бывало, его отцом.

Полковник взглянул на него, когда он подымался по лестнице, и рассмеялся.

– Взгляните! – сказал он майору. – Нет необходимости расспрашивать о фамилии этого юноши. Он «пукка», {Молодец.} Чинн. Мог бы быть как отец в пятидесятых годах.

– Надеюсь, что он будет так же хорошо стрелять, – сказал майор. – Железного товара он привез достаточно.

– Да уж, без этого какой же он был бы Чинн! Посмотрите хорошенько, как он сморкается. Настоящий клюв Чиннов. И платком размахивает, как его отец. Это второе издание – строчка в строчку.

– Волшебная сказка, клянусь Юпитером! – сказал майор, выглядывая через щели жалюзи. – Если он законный наследник, то... Ну, впрочем, сейчас видно, что этот цыпленок похож на старого Чинна.

– Его сын! – сказал полковник, вскакивая с места.

– Да, черт возьми! – сказал майор.

Взгляд юноши упал на сломанный тростниковый щит, висевший между колоннами веранды, и он машинально приподнял конец его и установил щит прямо. Старик Чинн ругался ежедневно раза три и никак не мог привести этот щит в нормальное положение. Его сын вошел в приемную среди безмолвия пяти собравшихся человек. Его встретили радушно из-за отца, а познакомившись с ним, и из-за него самого. Он был до смешного похож на портрет полковника, висевший на стене, а когда отмылся немного от пыли, то пошел в свои комнаты быстрой бесшумной походкой старика, привыкшего к джунглям.

– Какова наследственность! – сказал майор. – Это происходит от того, что три поколения их прожили среди бхилей.

– И здешние люди знают это, – сказал один из офицеров. – Они ожидали этого юношу, высунув языки от нетерпения. Я уверен, что, если он не будет держать себя слишком властно, они повалятся перед ним ниц целыми ротами и будут поклоняться ему.

– Нет ничего лучше, ежели вам предшествовал ваш отец, – сказал майор. – Для моих людей я – выскочка. Я пробыл в полку только двадцать лет, а мой уважаемый родитель – простой сквайр. Никак не проникнуть в душу бхили. Ну чего этот человек, которого привез с собой молодой Чинн, бегаёт так со своим узлом? – Он вышел на веранду и кликнул неизвестного – типичного слугу вновь назначенного субалтерн-офицера, говорящего по-английски и надувающего своего господина.

– Что такое? – крикнул майор.

– Здесь множество дурных людей. Я ухожу, сэр, – ответил слуга. – Взяли ключи сахиба и говорят, что будут стрелять.

– Чертовски ясно – чертовски убедительно! Как ловко обрабатывают дела эти воры из верхней страны! Кто-то сильно напугал его. – Майор отправился в свои комнаты, чтобы одеться к обеду.

Молодой Чинн, идя словно во сне, обошел всю стоянку, прежде чем направиться в свой крошечный коттедж. Он несколько задержался, осматривая помещение, в котором родился; потом он посмотрел на фонтан на плацу, где он, бывало, сидел по вечерам со своей няней, и на маленькую церковь, куда ходили офицеры, когда в лагерь случайно заглядывал капеллан какой-либо официальной религии. Все казалось ему очень маленьким по сравнению с гигантскими зданиями, к которым он привык, но местность была та же самая.

Время от времени он проходил мимо кучки безмолвных солдат, отдававших ему честь. Это могли быть те самые люди, которые носили его на спине, когда он только что надел штанишки. Слабый огонь горел в его комнате, и, когда он вошел, чьи-то руки обхватили его ноги и чей-то голос с полу прошептал какие-то слова.

– Кто это? – сказал молодой Чинн, не сознавая, что он говорит на языке бхилей.

– Я носил вас на руках, сахиб, когда я был сильным человеком, а вы маленьким – все плакавшим, плакавшим, плакавшим! Я – ваш слуга, как был раньше слугой вашего отца. Мы все ваши слуги.

Молодой Чинн не решился ответить, а голос продолжал:

– Я взял ваши ключи от толстого иностранца и отослал его, а запонки вдел в рубашку, которую вы наденете к обеду. Кому и знать, как не мне! Итак, ребенок стал мужчиной и забыл того, кто нянчил его, но мой племянник будет хорошим слугой, а не то я буду колотить его каждый день.

Тут с шумом поднялся с пола прямой, как бхильская стрела, маленький, седоволосый, сморщенный, похожий на обезьяну человек с орденами и медалями на мундире. Он бормотал что-то, заикаясь, отдавал честь и дрожал. За ним стоял молодой, сухопарый бхиль и вынимал колодки из парадных сапог Чинна.

Глаза Чинна были полны слез. Старик протянул ему ключи.

– Иностранцы дурной народ. Он никогда не вернется. Мы все слуги сына вашего отца. Разве сахиб забыл, кто брал его смотреть пойманного тигра в селение за рекой; еще ваша матушка так испугалась, а сахиб был так храбр?

Сцена эта прошла перед глазами Чинна, словно в волшебном фонаре.

– Букта! – вскрикнул он и сразу прибавил: – Вы обещали, что со мной ничего не случится. Так это вы, Букта?

Старик снова бросился к его ногам.

– Он не забыл! Он помнит свой народ, как помнит отец! Теперь я могу умереть. Но сначала я хочу жить и показать сахибу, как надо убивать тигров. Вот это мой племянник. Если он будет нехорошо служить вам, бейте его и отправляйте ко мне, и я наверно убью его, потому что сахиб теперь здесь у своего народа. Ай, Джан баба – Джан баба! Мой Джан баба! Я останусь здесь и буду присматривать, чтобы этот малый хорошо исполнял свое дело. Сними с него сапоги, дурак! Сядьте на кровать, сахиб, и дайте мне посмотреть на вас. Это действительно Джан баба.

Он выдвинул рукоятку своей сабли в знак готовности служить; это почесть, оказываемая только вице-королям, губернаторам, генералам и маленьким, горячо любимым детям. Чинн машинально дотронулся до рукоятки, бормоча сам не зная что. Это оказалось тем именно ответом, который он давал в детстве Букте, когда тот шутя называл его генералом-сахибом.

Квартира майора была напротив квартиры Чинна. Когда майор увидел, что его слуга чуть не задохнулся от удивления, он заглянул в комнату Чинна. Потом он сел на кровать и присвистнул, потому что зрелище, которое представлял старший туземный офицер полка, чистокровный бхиль, кавалер ордена Британской Индии, тридцать пять лет беспорочно прослуживший в армии, занимающий среди своих положение более высокое, чем занимают многие бенгальские князьки, предстающий в роли лакея только что вступившего в полк субалтерн-офицера, сильно подействовало на его нервы.

Громкие трубы проиграли сигнал к обеду, призыв, о котором существует длинная легенда. Сначала несколько пронзительных нот вроде криков охотников, загоняющих зверя в берлогу, затем раздался громкий, звучный призыв дикой песни: «И-о-о-о!!! зелены склоны Мундора-Мундора».

– Все маленькие дети бывают уже в кроватях, когда сахиб в последний раз слышал этот призыв, – сказал Букта, подавая Чинну чистый носовой платок. Звук призыва вызвал в молодом человеке воспоминание о его постели под сетью от moskitov, о поцелуе матери и о звуке удаляющихся шагов, когда он засыпал среди своих людей. Он застегнул темный воротник своей новой обеденной куртки и пошел обедать, словно принц, только что наследовавший корону своего отца.

Старик Букта вошел, раскачиваясь и покручивая усы. Он знал себе цену, и никакие деньги, никакое положение, которое могло бы дать ему правительство, не могли бы заставить его вдевать запонки в рубашки молодого офицера или подавать ему чистые галстуки. Но когда он снял вечером свой мундир и присел на корточки среди своих, чтобы спокойно покурить, он рассказал им, что сделал, и они сказали, что он вполне прав. Тут Букта выдвинул теорию, которая показалась бы полным безумием для души белого человека; но перешептывавшиеся плоскоголовые маленькие военные люди рассмотрели ее со всех сторон и решили, что она может иметь большое значение.

За обедом, при свете масляных ламп, разговор обратился к неистощимой теме – «шикару», т. е. охоте на крупную дичь всякого рода и при различных условиях. Молодой Чинн вытаращил глаза, когда убедился, что каждый из его собеседников убил по несколько тигров способом вуддарсов – т. е. охотясь пешком. Все они говорили так, как будто дело шло не о тиграх, а просто о собаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.